

К ВОПРОСУ О ПОЖЕРТВОВАНИЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА

Чаще всего вопрос о пожертвованиях рассматривается как одно из наиболее веских доказательств патриотического подъема, охватившего российское общество в Отечественную войну 1812 года. Обращалось внимание и на тот факт, что о российских пожертвованиях говорили даже противники. По свидетельству английского наблюдателя при русской армии генерала Р. Вильсона, французов более всего поразили в России «жители и земледелие, хорошие дороги, *пожертвования, понесенные дворянством*, послушание и привязанность крестьян к своим господам»¹. Тема пожертвований была традиционной для официальной российской историографии XIX - начала XX в. Между тем в некоторых мемуарах (например, князя И. М. Долгорукова «Журнал путешествий из Москвы в Нижний. 1813 г.») указывается, что крестьяне в 1813 г. довольно иронично называли все дополнительные поборы «пожертвованиями»² (т.е. с этого времени подвергается сомнению принцип добровольности при сборе пожертвований). Спорным оказался также и вопрос о размерах пожертвований (цифры, приводимые уездными предводителями дворянства, оказались на порядок выше данных Министерства финансов). Многие мемуаристы, а следом за ними исследователи постсоветского периода говорили о первенствующей роли в пожертвованиях дворянства, в то время как в советский период подчеркивался всенародный характер добровольного сбора средств в период Отечественной войны 1812 года.

Для освещения этих и других аспектов проблемы были привлечены материалы РГВИА - фонд 1, опись 1 (материалы канцелярии Военного министерства), дела № 2392 (указ от 18 декабря 1811 г. со списком вещей, которые будут приниматься в пожертвование, указ от 21 октября 1813 г. с требованием регламентировать чрезвычайные налоги, а также перечень жертвователей), дела №4049, 4087 (о деятельности Ликвидационной комиссии внутри России).

Из опубликованных источников следует в первую очередь отметить сборник РИО (т. 45), в котором помещены отчеты Министерства финансов в интересующий нас период антинаполеоновских кампаний. Представление о сборе пожертвований в провинции можно получить из сборника документов «Тамбовская губерния в 1812-1813 гг.», изданного в Тамбове в 1915 г. (Следует также учитывать, что Тамбов был местом сбора военнопленных из Киева, Чернигова, Твери и Рязани. Часть пленных оставалась в городе, другие направлялись в Пензу, Саратов и Астрахань.) В советское время, в 1945 г., вышел сборник документов под редакцией профессора В.В. Данилевского «Урал в Отечественной войне 1812 г.». В аннотации к сборнику говорится, что коллективом научных работников Отдела государственных архивов Управления НКВД по Свердловской области были собраны документы, хранящиеся в Свердловском, Молотовском, Нижне-Тагильском и Ирбитском государственных архивах. В отличие от предшествующих работ в сборнике обращается внимание на пожертвования рабочих и мещан.

Из мемуарной литературы следует выделить воспоминания А.Д. Бестужева-Рюмина «Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 г.», опубликованные в «Чтениях ОИДР». Бестужев-Рюмин с 1811 по 1812 г. был чиновником вотчинного департамента, пережил нашествие Наполеона в Москве, после был обвинен в сотрудничестве с неприятелем и уволен со службы. В 2008 г. в Пензе вышли «Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха. 1812-1813 гг.» - это воспоминания обер-лейтенанта баварского 5-го линейного полка, посвященные пребыванию его в плену в Пензенской губернии.

Тема пожертвований в Отечественную войну нашла отражение и в эпистолярном наследии. При написании данной статьи были использованы сборники «Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.)» и «Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I», составленные Н. Ф. Дубровиным, военным историком конца XIX - начала XX в., генерал-лейтенантом, академиком Петербургской Академии наук. А в 1939 г. были изданы «Письма Александра Тургенева Булгаковым». А.И. Тургенев известен как друг Пушкина, Жуковского, Вяземского, Карамзина. Он брат декабриста Н.И. Тургенева. Сторонник либеральных идей, с 1810 г. он занимал должности директора департамента духовных дел иностранных исповеданий, помощника статс-секретаря Государственного совета по департаменту законов, с 1812 г. был членом и секретарем Библейского общества. Примечательно, что в 1812 г. Тургенев был также секретарем «Санкт-Петербургского женского патриотического общества». Адресаты его писем Александр Яковлевич и Константин Яковлевич Булгаковы, профессиональные дипломаты, в 1830-х годах были почтдиректорами. В 1812 г. А.Я. Булгаков принимал участие в деятельности Комитета для разоренных войною, следил за сбором пожертвований³.

О пожертвованиях в Отечественную войну 1812 года говорится во многих исследованиях. В данной статье я обращаюсь лишь к небольшой части работ по данной проблеме, в которых выявлены значимые аспекты этого явления. Так, в статье приват-доцента Московского университета С.В. Бахрушина «Москва в 1812 г.», опубликованной в юбилейном, посвященном столетию Отечественной войны 1812 года сборнике Общества истории и древностей российских доказывається, что пожертвования стали значительными лишь после отказа Александра I от либерального западнического курса, а ключевым моментом стало его обращение к москвичам. Одним из первых тему о пожертвованиях священнослужителей поднял А. Покровский в книге «Проповеди первой половины XIX века», изданной в Москве в 1912 г. В советский период в теме пожертвований часто выделялась негативная сторона. Так, Н.А. Рожков в книге «Русская история в сравнительно-историческом освещении», изданной в 1928 г., писал: «Старый казенный патриотический трафарет, который оказывался нечуждым и некоторым русским либеральным историкам, требовал изображения горячего и единодушного подъема патриотических чувств во всех слоях русского общества в начале 1812 г. На самом деле ничего подобного не было, и не было прежде всего в среде дворянского крепостнического большинства»⁴. Рожков обращал внимание на нарушение принципа добровольности при сборе пожертвований. При публикации источников во вступительных статьях и комментариях (как, например, в уже упомянутых «Письмах Александра Тургенева Булгаковым» (вступительная статья А.А. Сабурова)) подчеркивалось, что деятельность различных комитетов по сбору пожертвований в пользу пострадавших от войны «была очередным средством к обогащению крупного столичного чиновничества. Пособия... выпадали на долю тех, кто легче и быстрее умел находить за себя ходатаев»⁵. В постсоветский период в целом наблюдается положительное отношение к проблеме пожертвований. В это время продолжают исследования тех аспектов проблемы, которые поднимались в XIX - начале XX в. Так, богатый фактологический материал об участии церковнослужителей в пожертвованиях собран в монографии Л.В. Мельниковой «Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн», вышедшей в Москве в 2007 г. Популярной стала и тема благотворительности в Отечественную войну. В монографии Г.Н. Ульяновой «Благотворительность в Российской империи, XIX - начало XX века», изданной в 2005 г., подчеркивается, что «всплеск в Отечественную войну 1812 г. патриотических настроений вызвал активный сбор пожертвований... 1812-1816 гг. отмечены появлением трех законоположений»⁶ о пожертвованиях и благотворительности. Е.А. Тончу в книге «Благотворительная Россия», изданной в 2005 г., рассказывает о деятельности женского Патриотического общества. В работах постсоветского периода изменение политического курса также связывается с ростом пожертвований. Так, в монографии Е.Н. Туманик, посвященной А.Н. Муравьеву, отмечался рост патриотических настроений, поддержка политического курса Александра I, который «с начала 1812 г. соответствовал мнению общества. Дух иноземный, подавляющий до того времени русскую народность, развеялся»⁷. И.Ю. Лапина в монографии «Земское ополчение Санкт-Петербургской губернии в 1812 г.», изданной в Петербурге в 2006 г., называет примерную цифру пожертвований и поднимает вопрос об их использовании.

Примечательно, что в России к 1812 г. уже имелся опыт сбора пожертвований. В манифесте от 30 ноября 1806 г. об образовании ополчения предусматривалось, что губернии, в которых не формировались ополченческие части, должны были участвовать в вооружении ратников взносами денежных сумм, хлеба, оружия и амуниции. К 1807 г. сумма пожертвований составила около 10 млн руб.⁸ Вопрос о сборе пожертвований стал актуальным и в 1811 г., когда говорилось о неизбежности войны с Францией⁹. 18 декабря 1811 г. вышел указ, в котором содержался «список образцовым вещам, кои будут приниматься в пожертвование так как. разнообразие предметов, на которые упал выбор приносителей, много убавляло достоинство оных»¹⁰. В списке перечислялись предметы обмундирования, принимаемые в пожертвование¹¹. Подчеркивалось, что пожертвованные вещи должны соответствовать установленным образцам, поэтому полиции предписывалось разослать образцы по губерниям. Приемщиком пожертвований был назначен от полиции флигель-адъютант Сипягин. Был также составлен список российских городов, куда следовало рассылать вещи: Москва, Петербург, Тверь, Калуга, Тула, Новгород, Орел, Курск, Харьков, Владимир, Ярославль, Кострома, Тамбов, Рязань, Нижний Новгород¹². Во избежании возможных хищений предписывалось «внесенным вещам вести подробный счет, и копии с оного доставлять министрам военному и полиции»¹³. Но в начале 1812 г. военному министру М.Б. Барклаю де Толли был направлен рапорт артиллерийской экспедиции, в котором сообщалось, что на поставку образцов артиллерийской амуниции следует израсходовать 1900 руб. 47 коп.¹⁴ А 18 февраля 1812 г. Санкт-Петербургский гражданский губернатор изложил свои соображения о преимуществе денежных пожертвований министру полиции. Он отмечал, что пожертвованные вещи из-за безответственности ремесленников могут быть забракованы и введут

жертвователей в бесполезные убытки. По мнению губернатора, денежная форма пожертвований остановит начавшийся рост цен на все предметы обмундирования, так как «частное лицо, желавшее изъять свое усердие и не имев для сего другого способа, как представить вещи натурою, не станет останавливаться за ценами, чем купцы и мастерские могут воспользоваться и возвышать цены на вещи, что впоследствии времени подвергнет и казну излишним издержкам»¹⁵. Предлагалось, что форму пожертвования будет определять сам даритель. В это время поднимался и вопрос о рациональном использовании пожертвований. В начале 1812 г. была проведена ревизия имущества и вооружения, пожертвованного в 1808 г. на милицию, и выяснилось, что оно распродано за бесценок, а вырученные деньги пошли на нужды полиции¹⁶.

Сведения о наиболее крупных пожертвованиях частных лиц на обмундирование полков стали поступать в военное министерство с апреля 1812 г. Причем пожертвования делались как в натуральной, так и в денежной форме. 3 апреля 1812 г. из канцелярии Министерства полиции сообщали военному министру, что «принесенные подполковником Яковлевым в пожертвование на новое обмундирование первого пехотного полка деньги 80 тыс. руб. высланы...»¹⁷. Денежную форму пожертвования предпочитали священнослужители, 2 мая 1812 г. сообщалось, что «московский Симонова монастыря архимандрит Герасим жертвует в пользу отечества тысячу руб. .. на воинские потребности»¹⁸. Купечество же предпочитало жертвовать товары, какие оно производило или какими торговало. 14 апреля 1812 г. сообщалось в Военное министерство, что «нежинский грек Н.М. Пачмади... жертвует 300 кусков равендуку»¹⁹. Из подсчетов в комиссариатском департаменте стоимости сделанного пожертвования следует, что предсказываемое петербургским гражданским губернатором спекулятивное повышение цен все же произошло: «Пожертвованный... Пачмади равендук 14 844 аршин стоит по ценам штатным каждый аршин по 26 коп. - 3859 руб. 44 коп., а по приготовленным комиссариатом на 1812 г. по 50 коп. - 7422 руб.»²⁰. О значительных натуральных пожертвованиях дворянства сообщается в письме Александра I к графу Ростопчину от 3 июня 1812 г.: «Благородное российское дворянство... равно и другие сословия... с готовностью вняли сему призванию нашему; и иждивением их в некоторых губерниях поставлено для артиллерии значащее количество лошадей, других содержатся многочисленные наши армии, в иных же возложено на попечение их снабдить формируемые вновь полки амуницией и обозом»²¹. Однако поступали и не предусмотренные адресные пожертвования в пользу раненых. В мае 1812 г. «действительный тайный советник Энгельгардт представил в Санкт-Петербургское депутатское собрание в виде пожертвования 10 тыс. руб. на употребление для армейских госпиталей»²². Но исследователями отмечалось, что в этот отрезок времени пожертвования еще не приняли массового характера.

С. Бахрушин считал, что пожертвования стали значительными лишь после внезапного приезда государя в Москву 11 июля. (Он поехал «мириться с дворянством в столицу этого дворянства - в Москву»²³.) Этот приезд означал «отказ от всех тех начинаний... которыми он оттолкнул от себя дворянство. Незадолго перед тем к ликованию Москвы он пожертвовал мнению избранного сословия Сперанского, этого типичного представителя александровского либерализма»²⁴. А. Бестужев-Рюмин, который был 15 июля 1812 г. на встрече Александра I с представителями московского дворянства и купечества в залах Слободского дворца, вспоминал, что «по прибытии Государя Императора в залу, в которой собралось дворянство, и по прочтении воззвания к Первопрестольной Столице Москве, оно общим согласием положило обмундировать и вооружить в одной Московской губернии, для отражения врага, 80 тыс. воинов. Началась подписка на сбор пожертвований и у купечества»²⁵. Аналогичные дворянские собрания прошли по всей России. На заседании Санкт-Петербургского дворянского собрания, проходившего с 17 по 20 июля 1812 г., были образованы устроительный и экономический комитеты, в ведении которых находились сбор денег, закупка провианта, лошадей, телег для обозов (комитеты заседали в доме придворного банкира барона Раля); выбран казначей для учета пожертвований. В качестве поощрения предполагалось списки жертвователей публиковать еженедельно в газетах²⁶. А тамбовский гражданский губернатор П. Нилов 25 июля 1812 г. предложил «собранию благородного дворянства и благомыслящего купечества... открыть в Дворянском собрании для собравшегося дворянства и купечества две книги, одну для записи числа представляемых по воле каждого людей в составе новых сил, а вторую для записи пожертвований деньгами, оружием и провиантом»²⁷. Стимулирующим фактором для быстрее сбора пожертвований Нилов считал «назначение самого ближайшего срока для окончания таковой записи»²⁸.

Среди дворян, сделавших крупнейшие пожертвования, наиболее известным стало имя графа Дмитриева-Мамонова: «Сей вельможа Российского государства, истинный сын Отечества. при своем состоянии, решился сформировать пехотный полк из крепостных своих крестьян и на свой счет. Дней через 6-ть граф Дмитриев-Мамонов переменяет свое намерение и, вместо пехотного полка, вздумал сформировать конный полк»²⁹. Это намерение Дмитриевым-Мамоновым было исполнено и во главе

прекрасно вооруженного и обмундированного полка он принял участие в сражениях Отечественной войны и зарубежных походах русской армии. Провинциальное дворянство чаще всего делало пожертвования продовольствием и фуражом, а также деньгами. Так, уже упомянутый тамбовский гражданский губернатор П. Нилов писал 26 июля 1812 г.: «Жертвую ныне 500 кулей девятипудового веса ржаной муки с обязательством поставить оные на свой счет в то место, куда нынешним правительством назначено будет»³⁰. Дворянин А. Пашков 3 августа 1812 г. написал: «Находясь в г. Тамбове в дворянском собрании для исполнения по Высочайшему манифесту от 6 июля 1812 г., подписался в пожертвование из собственности моей шести медных единорогов трехфунтового калибра и овса тысячу четвертей, к чему желаю ныне еще присоединить муки ржаной тысячу кулей»³¹. В ноябре 1812 г. майор Капченков пожертвовал в пользу Томского гарнизонного батальона 15 пудов черенкового ревеня³².

Крупные пожертвования были сделаны и представителями чиновничества. Одним из наиболее ценных и нужных для армии пожертвований стала закупка в Англии на свои средства государственным канцлером Н.П. Румянцевым 1000 солдатских ружей, которые 18 декабря были отправлены в Россию на «том же самом корабле, который назначен к перевозу 50 000 ружей. от английского правительства»³³. 16 июля 1812 г. военному министру сообщалось, что «обер-прокурор 1-го отделения 5-го департамента Правительствующего сената Хитров изъявил желание посвятить на пользу военных расходов, пока нынешняя война продолжается, жалование свое в 2 тыс. руб. с 1 мая с. г.»³⁴. А 4 августа 1812 г. в адресованном князю Горчакову донесении сообщалось, что чиновники «4-го и 5-го межевого департаментов Правительствующего сената обер-секретарь Земщанин и секретари Ляковский и Коренев пожертвовали 15 июля на пользу отечества третним своим жалованием в течение одного года первый 495 руб., а последние каждый по 247 руб.»³⁵.

Значительными были и пожертвования священнослужителей. А. Покровский принял как основополагающий указ 31 июля 1812 г., по которому предложено ассигновать «из прибыльной суммы», получаемой от свечной продажи в церквях, 1,5 млн руб. на обмундирование ополчения. А «архиереи, настоятели монастырей и прочее духовенство» приглашались к пожертвованию денег, серебряных и золотых вещей для этой же цели³⁶. Л. Мельникова уточнила, что 17 июля Святейший Синод представил императору Александру I доклад о пожертвованиях, который был утвержден и получил силу указа 25 июля 1812 г. Половину суммы предполагалось пожертвовать на Петербургское ополчение, другую - на Московское³⁷. Н. Дубровин, цитируя указ, подчеркивает, что предназначенная в пожертвование сумма поступила в Санкт-Петербургский и Московский опекунские советы для обращения из процентов³⁸. В письме князя А. Голицына М.И. Кутузову от 4 августа 1812 г. говорится: «По поручению Комиссии духовных училищ честь имею препроводить при сем к вашей светлости билет Санкт-петербургского опекунского совета, за № 12 855, суммою на 750 000 руб.. сумма по оному билету принадлежит к тем способам, кои от разных сословий ныне употребляются на составление ополчения в Санкт-Петербурге, под вашим начальством образуемого. Таковая же сумма поступит в пособие к составляемому и в Москве ополчению и будет препровождена к главнокомандующему в оной столице генерал от инфантерии графу Ф. В. Ростопчину»³⁹. 4 августа Кутузов сообщает князю Голицыну, что билет «Опекунского совета я приказал по принадлежности доставить в Экономический комитет ополчения, коему поручено принимать всякого рода пожертвования»⁴⁰. Помимо этого продолжали поступать пожертвования и от отдельных священнослужителей. Например, 21 декабря 1812 г. генерал-лейтенант Глазенап сообщал из Омска, что «протоирей А. Дьяченокский. пожертвовал на воинские предметы. 500 руб.»⁴¹. В монографии Л.В. Мельниковой указывается, что всего в 1812 г. духовенство собрало 905 076 руб. 60 коп. ассигнациями, 20 761 руб. 89 коп. серебром без лажа, 6 452 руб. 99 коп. серебром с лажем, 556 руб. золотом, 3388 руб. 10 коп. медью⁴². Священнослужителями жертвовались также золотые и серебряные вещи и иностранные монеты. Наиболее крупные пожертвования внесли Свято-Троицкая Сергиевская и Александро-Невская лавры⁴³.

Большие суммы поступали в пожертвование и от купечества. Часто губернские власти прямо указывали купечеству на необходимость сделать пожертвование. Так, в отношении пермского губернского правления от 24 июля (5 августа) 1812 г. говорилось: «Купеческому же сословию объявить, чтоб оне к содействию с их стороны столь нужном государству деле поспешили оказать свое усердие взносом денежных сумм или другими пожертвованиями»⁴⁴. На Урале засвидетельствовано пожертвование мещан и купцов г. Туринска - 1825 руб., среди натуральных пожертвований 1812 г. наиболее значительным был взнос заводчика А. Яковлева, пожертвовавшего «все то количество артиллерийских снарядов, какое возложено на заводы его к приготовлению в 1811 и 1812 гг.»⁴⁵. А заводчик подполковник С. Яковлев отдал без оплаты снаряды, которые следовало сдать в казну от его заводов в 1812 г.⁴⁶ Однако пожертвования заводчиками делались и для того, чтобы не лишиться выгодных государственных заказов. Так, например, в указе Пермского горного правления о вынесении

высочайшего благоволения гофмейстеру Демидову за принесенные в дар отечеству 7706 пудов 17 фунтов разных военных снарядов, министром финансов было отмечено, что заводы Демидова не выполнили в свое время первый наряд⁴⁷. Нередко купечество поставляло бесплатно и некоторые предметы обмундирования. Так, при посредничестве А.А. Аракчеева 4 декабря 1812 г. корпус графа Витгенштейна получил 1000 пар шерстяных носков и 500 пар замшевых рукавиц⁴⁸.

Пожертвования делали и рабочие оружейных заводов. (Впервые жертвования от этой категории населения поступили в 1807 г.) 27 ноября 1812 г. командир Тульского оружейного завода генерал-майор Воронов сообщал, что приписанные к Тульскому оружейному заводу рабочие Тульской губернии «согласились внести на государственную потребность... 2305 руб., да сверх того из собранных мирских денег 845 руб., из коих сии последние деньги просят... отослать в Московский опекунский совет для приращения процентов, для награждения поступивших из Тульской губернии на службу... отличившихся при поражении врагов отечества, на дачу пансионеров раненым воинам и поддержание оставшихся жен и детей»⁴⁹. На Урале отмечалось, что горнозаводские специалисты и рабочие Златоустинских заводов внесли 80 руб., «разные люди», том числе и рабочие Юговского и Мотовилихинского заводов - 609 руб. 45 коп.⁵⁰

Среди крупнейших жертвований выделяются взносы тайного советника П.Г. Демидова, жертвовавшего ежегодно по 6 тыс. руб., министра полиции А. Д. Балашова - 10 тыс. руб., откупщика князя Мещерского и коммерции советника Перетца - 25 тыс. руб., директора Комиссии погашения долгов Пихлера - 20 тыс. руб., ротмистра Владимирова - 30 тыс. руб., купечества - 2 млн. руб., монастырей, храмов и причтов церквей г. Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии - до 29 тыс. руб. Общая сумма жертвований составила 4 млн руб.⁵¹

Однако прав был и Н. Рожков, указывая на принудительный характер многих «жертвований»: «Само правительство не верило в щедрость первенствующего сословия. Когда в июне 1812 г. понадобились вола для армейского обоза, Александр писал Ростопчину, что так как Москва и ее губерния не могут поставить волов натурою, то требуется добровольное жертвование и в 1 млн руб., если же эта сумма добровольно не будет составлена, она должна быть пополнена сбором посредством общей раскладки»⁵². Добровольно собрать миллион рублей не удалось. Ростопчин переложил эту обязанность на плечи купечества. Но и к 1813 г. удалось собрать лишь 800 тыс. руб.⁵³ О возможности так называемой раскладки натуральных, продовольственных «жертвований» говорилось и в письме от 6 июля 1812 г. Александра I Ростопчину⁵⁴. Позднее, в 1816 г., во время действия Ликвидационных комиссий в российских губерниях, такие натуральные жертвования вызвали наибольшие споры. Попытки получить компенсацию за сборы в 1812 г., проводившиеся под видом жертвований, были предприняты в 1816 г. Псковский гражданский губернатор князь Шаховской 16 октября 1816 г. обратился с запросом: «Следует ли рассматривать комиссии, а казне платить за те налоги, которые, особенно по распоряжению только самого правительства назначались в 1812 г. по всей губернии уравнильным образом по мере государственных того времени надобностей, и которые уже суть ничто иное, по моему мнению, как общественная повинность»⁵⁵. Однако военный министр 3 ноября 1816 г. ответил Шаховскому, что Ликвидационные комиссии не рассматривают претензий по таким сборам, которые относятся к «жертвованиям, сделанным сословиями для войск, так как и самое значение сего слова доказывает добровольное приношение в пользу защитников отечества, не требующее никакого положительного вознаграждения»⁵⁶.

Добровольно-принудительный характер носили и так называемые жертвования инородцев. 31 августа 1812 г. управляющий квартирмейстерской частью генерал-адъютант князь Волконский препроводил к князю Горчакову копию рапорта полковника Буцковского относительно «добровольных подаяний калмыков, туркменцев и нагайских татар», в котором подчеркивается, что сии народы «пользующиеся благотворным покровом российской державы, в замен коего весьма слабые отправляют повинности»⁵⁷. Буцковский предлагает, учитывая изобилие рогатого скота и лошадей, «положить жертвованием 10 %... что составит лошадей - 37 061 шт., а рогатого скота - 29 316 шт.»⁵⁸. 4 ноября 1812 г. были получены сведения, что в Астраханской губернии между прочими жертвованиями поступили 1281 лошадь и 400 голов рогатого скота⁵⁹. А 12 декабря 1812 г. народы калмыцкий и туркменский получили высочайшую грамоту с благодарностью за сделанные жертвования⁶⁰. 23 апреля 1813 г. сообщалось, что «общества Каранагайского, Едасанского и Жембулуковского народов, около Кизлярии кочующих, по внушению Главного пристава их титулярного советника Балуева предложили в жертвование на пользу отечества 1500 волов и 600 лошадей»⁶¹.

С конца 1812 г. возрастает количество жертвований, адресованных раненым воинам и членам их семей, а также потерявшим имущество в ходе военных действий. Для этого были объективные причины. 6 декабря 1812 г. английский наблюдатель в русской армии генерал Роберт Вильсон

приводит следующие данные о потерях России в Отечественной войне 1812 года: «Россия потеряла в сей войне убитыми, умершими и пленными около 110 тыс., кроме того, сейчас почти 70 тыс. раненых и больных... Потери имущества и собственности в России за эту войну неисчислимы, только в одной Москве на 25 млн фунтов»⁶². Примечательно, что существующее в тот период российское государственное страхование, как и начинающая проникновение в Россию крупнейшая английская страховая компания «Феникс», не предусматривали возмещение за потерю имущества в период военных действий, а страхование жизни и здоровья в тот период еще не производилось⁶³. Уже в июле 1812 г. в комиссариатский департамент Военного министерства поступило сообщение, что «Государыне Императрице Марии Федоровне благоугодно было пожаловать для армейских госпиталей 1 тыс. рубаш и 500 простыней»⁶⁴. Примеру императрицы последовали местные предводители дворянства. Так, гжатский предводитель дворянства Савельев «пожертвовал для больных гжатского военно-временного госпиталя 1500 сшитых рубаш, сверх того оный госпиталь... продовольствовался от тамошнего дворянства без платежа денег от казны»⁶⁵. Сбор средств в помощь раненым происходил и в Москве. 2 августа 1812 г. Ростопчин писал Балашову: «Усердие горожан с избытком доставляет все потребное для раненных, слишком 2000 принесено ко мне денег»⁶⁶. А предводитель дворянства мелитопольского уезда Таврической губернии сообщает о поручении своей родственницы, вдовы коллежского асессора Криштофовича перечислить «1000 руб. для облегчения участи тех верных сынов России, которые пострадали и теперь имеют необходимость в пособии»⁶⁷. Сбор средств на раненых, а также на вдов и сирот убитых в сражениях продолжился и в 1813 г.⁶⁸ В 1814 г. возник Комитет 18 августа 1814 г., впоследствии переименованный в Комитет о раненных. Для помощи пострадавшим во время войны 1812 года военным решили издавать газету «Русский инвалид», и при ней был учрежден Филантропический комитет, занявшийся сбором денег и других пожертвований⁶⁹. Однако, как свидетельствуют мемуаристы, деньги в 1814 г. в пользу инвалидов войны давались крайне неохотно⁷⁰.

В конце 1812 г. начинают собирать пожертвования и в помощь разоренным неприятелям областям. Так, 7 января 1813 г. комиссионер 8-го класса Половцев «в пособие потерпевшим разорение от неприятеля предложил от получаемого им жалования переводить по 90 руб. ежегодно доколе учреждено в Санкт-Петербурге под председательством обер-гофмаршала гр. Толстого сословие призрения разоренных от неприятеля существовать будет»⁷¹. Адресные пособия для потерявших имущество в ходе военных действий и «Общество патриотических дам», образованное в Петербурге в 1812 г. при императрице Елизавете Алексеевне. (В ходе Отечественной войны переименовано в «Санкт-петербургское женское патриотическое общество»⁷²). Тургенев писал А.Я. Булгакову 10 ноября 1812 г. из Санкт-Петербурга: «Посылаю тебе приглашение к обществу, которого императрица Елисавета - председатель, а я секретарь. Сверх того, как, без сомнения, тебе уже известно, собирается под покровительством того же ангела в теле, подавание для потерпевших от войны. Члены комиссии: Шишков, граф Головин, князь Голицын и граф Толстой. Много уже собрано. Граф Литта дал 30 000 руб. и не перестает давать ежегодно 50 000 руб. на ополчение»⁷³. 13 января 1813 г. Тургенев писал: «Мы вам послали для одной Москвы 10 000 руб. Более покуда не можем. Попроси Наталью Васильевну, чтобы она приняла в сем добром деле участие...»⁷⁴ В 1813 г. общество высылало пособия отдельным лицам⁷⁵. Но наиболее крупное пособие получает участвующий в работе благотворительных организаций сам А. Я. Булгаков⁷⁶. 21 октября 1813 г. Тургенев писал А.Я. Булгакову: «Благодарю и за уведомление о московской благотворительности. Все, кому ни сообщал я о 40 тыс., собранных, можно сказать, с пепла Москвы, разделяли со мной восхищение»⁷⁷.

Еще одним адресом поступления пожертвований стала помощь пленным. Так, секретарь императрицы Н.М. Лонгинов от имени государыни и принцессы Баденской Амалии пересылал тамбовскому губернатору письма и деньги (от 8000 до 12 000 руб.) военнопленным баденцам⁷⁸. Подобная помощь пленным немцам продолжалась и в 1813 г.⁷⁹

Всем лицам, сделавшим крупные пожертвования, в качестве морального поощрения следовала благодарность императора Александра I. Например, 21 сентября 1812 г. было передано «Изъявление Высочайшего благоволения Санкт-Петербургскому посадскому обществу, пожертвовавшему 10 тыс. руб. на излечение раненных»⁸⁰. Однако мемуаристы приводят примеры и пренебрежительного отношения представителей власти к лицам, желающим сделать большие пожертвования. А. Бестужев-Рюмин рассказывает, что уездные предводители дворянства Рязанской губернии, приехавшие в Москву, чтобы лично доложить императору, что рязанское дворянство готово в качестве пожертвований выставить 60 тыс. воинов вооруженных и обмундированных, было «неблагодарно» принято министром полиции, генерал-адъютантом Балашовым, который «кричал на них, говоря как они смели отлучиться от должностей своих»⁸¹. И, несмотря на «вежливый и ласковый» прием делегации графом Ростопчиным, на следующий день «через Московскую полицию приказано им было немедленно выехать из столицы»⁸². Но такие случаи были единичными. За крупные пожертвования

следовали награды. Так, уже в июле 1812 г. купцы Усачевы награждаются золотыми медалями на Владимирской ленте и освобождаются от градской службы за сделанные пожертвования⁸³. А 17 июля 1812 г. в ходатайстве о награждении, адресованном Барклаю де Толли, перечисляются пожертвования помещика ельнинского уезда капитана И. Глинки, который вложил свои средства при постройке в Ельне казенного судебного здания, устроил на собственные средства лазареты в Ельне и Дорогобуже⁸⁴. 26 августа 1812 г. Александр I «в доказательство благоволения Моего к пожертвованиям» жаловал его «кавалером ордена святого равноопостального кн. Владимира 4-ой степени»⁸⁵.

Таким образом, пожертвования делались представителями всех слоев общества, но общественное мнение выделяло дворянские пожертвования: «Пожертвования дворянства были гораздо действительнее и полезнее для отечества, чем пожертвования купцов, мещан, мастеровых. Первые шли на защиту отечества сами, с детьми своими... жертвуя не только имуществом, но и жизнью для отражения врага, брали с собой еще дружину из крепостных своих, дворовых людей и крестьян от 10 душ одного или двух, а вторые приносили в жертву одне только деньги в ассигнациях, которые в то время никакой цены не имели, и тот еще излишек денег своих, который они лихоимно получали от действительных защитников отечества за оружие и прочие необходимые вещи»⁸⁶. Мнение же о том, что, делая пожертвования, некоторые купцы, имеющие уголовное прошлое, получают государственные награды, косвенно подтвердилось в 1816 г. 20 января 1816 г. на заседании Комитета министров председатель военного департамента объявил следующее решение Александра I: «Что бы при случаях пожертвования купцами и другого звания людьми, обращал комитет внимание на поведение и прежний образ жизни того лица, кто делает пожертвование, и не находился ли он, или не состоял ли в то самое время под судом или следствием?»⁸⁷ Александр I, опасаясь, что «порочные люди могут делать приношение с целью получить награду от правительства, дабы прикрыть тем прежние свои проступки, сравниться с отличными в обществе людьми, изволит не только воспрещать награды в сем случае, но и самое принятие от них пожертвований»⁸⁸.

В заключение следует отметить, что самым спорным оказался вопрос о точных суммах пожертвований. В указе от 21 октября 1813 г. многие нерегламентированные поборы отнесены к земским повинностям⁸⁹, обмундирование рекрут и поставка лошадей для кавалерии названы чрезвычайными налогами, которые следует стремиться уменьшить⁹⁰. Примечательно также, что в Министерстве финансов из понятия «пожертвование» исключили сбор денежных средств в пользу раненых, потерявших кормильца и имущество, а также пленных, определили различие между понятиями «пожертвование» и «благотворительность»⁹¹. В понятие «пожертвование» входили лишь суммы, собранные на содержание милиции и ополчения. Также не учитывалось большинство натуральных пожертвований. (Например, утверждение, что в Тамбовской губернии «было выставлено свыше 300 тыс. ополченцев, пожертвовано 100 млн руб., то есть половина тогдашнего бюджета»⁹² не находит подтверждения в отчетах Министерства финансов.)

Одним из последних по времени сделанных пожертвований на военные нужды 1812 г. стал отказ лифляндского дворянства в 1816 г.

получить компенсацию за реквизированные у них в 1812 г. продовольствие и фураж. В благодарственной Императорской грамоте указывается: «. вернолюбезное Нам лифляндское дворянство, руководимое во всех деяниях своих духом истинного благородства, на конвенте своем положило отказаться от всякого вознаграждения от казны, как за поставленные под квитанции, так и за взятые реквизициею для войск припасы»⁹³. Примечательно, что другие сословия этой губернии получили компенсационные выплаты.

Таким образом, можно констатировать, что пожертвования сыграли определенную роль в финансировании военных расходов в период Отечественной войны и зарубежных походов (см. прил. 1).

Приложение 1

СУММЫ ПОЖЕРТВОВАНИЙ В 1807-1816 гг.⁹⁴

Наименование пожертвования	Год	Недоимки прежних лет	Поступило в счет недоимок	Поступило в число доходов по данному году	Итого
Суммы, принесенные от разных мест и лиц в пожертвование на	1807	-	-	-	12 207 983 р. 85 ¼ коп.

содержание земского войска	1808	-	-	-	625 751 р. 72 коп.
Пожертвования на содержание милиции	1809	5 764 руб. 60 коп.	5 764 руб. 60 коп.	52 857 руб. 7 ½ коп.	58 621 руб. 67 ½ коп.
	1810	11 129 руб. 23 ¼ коп.	11 129 руб. 23 ¼ коп.	53 520 руб. 35 ¼ коп.	64 649 руб. 58 ½ коп.
	1811	3 679 руб. 32 коп.	3 679 руб. 32 коп.	217 570 руб. 76 ¾ коп.	221 250 руб. 8 ¾ коп.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вильсон Р.Т. Дневник и письма, 1812-1813 гг: Пер. с англ. СПб., 1995. С. 83.
- ² Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний, 1813 г. // Чтения ОИДР. М., 1870. Кн. 1. С. 19.
- ³ Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 24-25.
- ⁴ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.; Л., 1928. С. 65.
- ⁵ Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 307.
- ⁶ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX - начало XX в. М., 2005. С. 141.
- ⁷ Туманик Е.Н. Александр Николаевич Муравьев: начало полит. биографии и основание первых декабрист. организаций. Новосибирск, 2006. С. 109.
- ⁸ Лапина И.Ю. Земское ополчение Санкт-Петербургской губернии в 1812 г. СПб., 2006. С. 8-9, 13.
- ⁹ Посланный с особой миссией в Париж А.И. Чернышев писал министру иностранных дел Н.П. Румянцеву 10 (22) октября 1811 г, что, «по свидетельству ряда лиц из ближайшего окружения Наполеона, французское правительство твердо решило начать войну с Россией» (Внешняя политика России XIX и начала XX в. М., 1962. Сер. 1. Т. 6. С. 203).
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 6.
- ¹¹ В списке перечислялись как предметы обмундирования пехотных, кирасирских, драгунских, гусарских, уланских, артиллерийских войск (панталоны лосиные, перчатки, каски, кивера, ранцы, водоносные фляги), а также седла, португееи, щетки, недоуздки, хомуты. В качестве пожертвований принимались также куски ткани, идущие на обмундирование (сукна темно-зеленые, белые, красные, серые, желтые, темно-синие, светло-синие, черные; холст подкладочный и рубашечный, фламское полотно, равендук, галуны, тесьма) (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 1-2).
- ¹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 5.
- ¹³ Там же. Л. 6.
- ¹⁴ Там же. Л. 19 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 22.
- ¹⁶ Царскосельский (Софийский) предводитель дворянства сообщил, что 23 ноября 1808 г «бывший министр внутренних дел князь А.Б. Куракин подписал управляющему полицией гор. Царского Села, г действительному статскому советнику и кавалеру А. И. Леонтьеву, чтобы пожертвованное на милицию оружие и амуничные вещи, также и от бывших в Софии фабрик и госпиталя, по ветхости... продать с аукционного торга». 14 декабря 1808 г. вещи были проданы с аукциона за 982 руб. 16 коп. В 1809 г. сумма от продажи «старых казенных вещей» была употреблена на нужды полиции (Лапина И.Ю. Земское ополчение Санкт-Петербургской губернии в 1812 г СПб., 2006. С. 17-18).
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 27.
- ¹⁸ Там же. Л. 41. Примечательно, что до принятия сана Герасим был известен как московский купец 2-й гильдии Галактион Иванович Князев. В 1792 г. он положил в Санкт-Петербургский воспитательный дом 1 тыс. руб., которые «обращались из процентов» и к моменту пожертвования составили 1030 руб. ассигнациями 55 руб. серебром и 4 коп. медью (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 42, 61).
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 32.
- ²⁰ Там же. Л. 35.
- ²¹ Отечественная война в письмах современников, 1812-1815 гг. / Сост. Н.Ф. Дубровин. М., 2006. С. 11-12.
- ²² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 36.
- ²³ Чтения ОИДР. М., 1912. Кн. 4. С. 26.
- ²⁴ Там же. С. 26.
- ²⁵ Там же. М., 1859. Кн. 2. С. 74.
- ²⁶ Лапина И.Ю. Указ. соч. С. 45, 47-48.

²⁷ Тамбовская губерния в 1812-1813 гг.: Рефераты и статьи членов Тамбов. Учен. Архив. Комиссии с приложением документов. Тамбов, 1915. С. 17.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Чтения ОИДР. Кн. 2. С. 74.

³⁰ Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. С. 12.

³¹ Там же. С. 15.

³² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 109.

³³ Там же. Л. 129.

³⁴ Там же. Л. 69.

³⁵ Там же. Л. 74.

³⁶ *Докровский А.* Проповеди первой половины XIX в. М., 1912. С. XVII.

³⁷ *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 100, 102.

³⁸ Отечественная война в письмах современников... С. 63.

³⁹ Там же. С. 78-79.

⁴⁰ Там же. С. 79.

⁴¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 139-139об.

⁴² *Мельникова Л.В.* Указ. соч. С. 104.

⁴³ Там же. С. 104.

⁴⁴ Урал в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов / Под ред. В. В. Данилевского. Свердловск, 1945. С. 36.

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Там же. С. 13.

⁴⁷ Там же. С. 58.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 118.

⁴⁹ Там же. Л. 119-119об.

⁵⁰ Урал в Отечественной войне 1812 г. С. 12.

⁵¹ *Лапина И.Ю.* Указ. соч. С. 66.

⁵² *Рожков Н.А.* Указ. соч. С. 68. Император Александр I писал 3 июня 1812 г.

графу Ростопчину из Вильны: «...нужно собрать немаловажное число волов, как для подъема воинских тягостей, так и для продовольствия храбрых наших воинов. Но поелику Московская губерния, по местному ее положению не найдет удобных способов к поставке волов натурою, то взамен такого пожертвования мы предоставляем всем сословиям губернии сей собрать добровольными от состояния их приношениями сумму, миллион рублей составить могущую, которая обратится уже на приобретение волов в таких местах, где более удобности к тому представится: в случае же, если сумма приношений оказалась недостаточною, оная долженствует быть пополнена, для приведения в означенное количество, сбором посредством общей раскладки» (Отечественная война в письмах современников... С. 12). Ростопчин писал министру полиции А. Балашову 20 июня 1812 г, считая это требование легко выполнимым: «Из донесения моего Его Императорскому Величеству Вы изволите увидеть, сколь легко мне при теперешнем расположении умов исполнить волю государя и собрать миллион рублей с двух первых сословий, не касаясь ни до уездного купечества, ни до мещан, даже не требуя ничего с 122 тыс. душ казенных крестьян» (Там же. С. 17).

⁵³ См. подр.: *Носова Г.В.* Некоторые аспекты финансовой политики России в 1812-1815 гг. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IX Междунар. конф. М., 2006. С. 101.

⁵⁴ Отечественная война в письмах современников... С. 43.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4049. Л. 167об.-168.

⁵⁶ Там же. Л. 169об.

⁵⁷ Там же. Д. 2392. Л. 89.

⁵⁸ Там же. Л. 89, 90.

⁵⁹ Там же. Л. 110. В феврале 1813 г. пожертвованные калмыками лошади предписывалось «1080 отправить немедленно в Могилев Белорусский к г. генералу от кавалерии Кологривову для кавалерийских резервов, там формирующихся» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 150). «Скот продать на месте с публичного торга, а вырученные деньги причислить к сумме госпитальной». (23 ноября вышло распоряжение об этой продаже). (Там же. Л. 112об.).

⁶⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 175.

⁶¹ Там же. Л. 175.

⁶² *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 99.

⁶³ См. подр.: *Носова Г.В.* О становлении страхового дела в России в первой половине XIX в. // Финансы. 2008. № 3. С. 52-54.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 65.

⁶⁵ Там же. Л. 83-83об.

⁶⁶ Отечественная война в письмах современников... С. 108.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 137 об.

⁶⁸ 8 февраля 1813 г. костромской гражданский губернатор сообщал, что дворянство губернии «решило взять заимообразно из собственного хлеба, имеющихся в сельских магазинах, 50 тыс. четвертей и продать, за которые предполагается выручить до 500 тыс. руб. ... из сей суммы отдать 50 тыс. руб.

на содержание вдов и сирот, оставшихся после убитых в сражении» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 156).

⁶⁹ Ульянова Г.Н. Указ. соч. С. 142.

⁷⁰ Г.П. Ермолов, публицист, несколько его статей увидели свет в «Русском вестнике» в 1813-1814 гг., находился в родстве со знаменитым А.П. Ермоловым, в письме И. Д. Апраксину от 27 апреля 1814 г. говорит о равнодушии симбирского дворянства к участи храбрых русских воинов - не собирают денег в пользу инвалидов. И хотя сам Ермолов небогат («я имею состояние 163 души, не занимаю никакой должности, семейство мое состоит из жены и 9 человек малолетних детей, на моем содержании живущих»), он «делает денежный сбор со своих крестьян и со своего семейства в пользу инвалидов... Всего набралось 35 руб.» (Памфлет Г.П. Ермолова на графа М.М. Сперанского / С предисловием Е.И. Соколова. М., 1895. С. 7-9).

⁷¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 134.

⁷² Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 305. После войны, в 1816 г., Патриотическое общество расширило свои благотворительные функции за счет оказания помощи престарелым, увечным, вдовам и сиротам бедных людей, вступивших в ополчение. С этой целью «каждая патриотическая дама взяла часть города на свое попечительство с тем, чтобы находить нуждающихся и регистрировать их в правлении общества». Патриотические дамы подыскивали для сирот своей части города наставниц в рукоделии, таких же бедных женщин, которые за определенную плату обучали девочек рукоделиям - шитью, вязанью и т. п. Для детей, не имеющих пристанища, стали создаваться частные школы, также называемые патриотическими (*Тончу Е.А.* Благотворительная Россия. М., 2005. С. 76).

⁷³ Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 127. Ю.П. Литта (1763-1839), неофициальный представитель римского двора в Петербурге, состоял на службе в русском флоте, затем был полномочным министром мальтийского ордена при российском Дворе и наместником великого магистра. Будучи характерным адептом католицизма в России, граф Литта пытался создать международную дворянско-католическую федерацию для борьбы с революцией. В 1810 г., после нескольких лет высылки, он был принят на государственную службу и назначен членом Государственного совета (Там же. С. 33).

⁷⁴ Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 130.

⁷⁵ В письме А. Тургенева к А.Я. Булгакову от 8 апреля 1813 г.: «На сих днях послано от большого комитета, учрежденного для разоренных войною, многим лицам денежное пособие в следствие представления княгини Репниной. Часть денег послана и к графу Р. Но ошибкою посланы к нему пособия и к таким лицам, которые должны бы были получить оные от наших дам; между прочим, 1000 руб. назначено княгине Кантемир, 300 руб. - графине Осинской. Пожалуйста, постарайся, чтобы деньги сии верно и скоро были выданы им и оберегая их стыдливость. Они и не просили; но общество знает об их крайней бедности» (Там же. С. 133).

⁷⁶ 19 октября 1813 г. Тургенев сообщает А.Я. Булгакову, что ему назначено пособие «сословием 6000 руб.» (Там же. С. 139). Помимо этого, он получил часть товаров при распродаже в пользу бедных вещей из магазина бежавшей в 1812 г. мадам Шальме. 19 октября 1812 г. А.Я. Булгаков писал жене: «Граф Ростопчин намерен выместить наши потери. Так как мы лишились всего, то он объявил нам, что мы вправе взять из магазина Шальме все, что только нам заблагорассудится. Он предлагал тебе и матери лучшие два чайные сервиза, для матери - запас французского табаку, для тебя духов, помады и все, что мне вздумается. Для себя самого граф возьмет столовый сервиз, так как его собственный похищен» (Там же. С. 308).

⁷⁷ Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 140.

⁷⁸ Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. С. 8.

⁷⁹ Обер-лейтенант 5-го линейного полка Ф. В. Фуртенбах, оказавшийся в плену в Пензенской губернии, отмечал, что в самой Пензе «большинство ремесленников... из немцев и живут они достаточно благополучно. Портной Энгертмайер из Бреттена в Бадене... шил на всю губернию. Каждый офицер (имеется в виду пленный) одевался и питался у него за его счет, а баденцы еще и получали от него значительные денежные суммы». А фон Фалькенлау, «урожденный курляндец - русский офицер в отставке... часто посылал нам картофель, кормовую капусту, лук и петрушку со своего огорода» (*Фуртенбах Ф.* Война против России и русский плен: Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха, 1812-1813 гг. / Предисл. и коммент. С.В. Белоусова и С.Н. Хомченко. Пенза, 2008. С. 7-8, 16).

⁸⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 105.

⁸¹ Чтения ОИДР. Кн. 2. С. 76.

⁸² Там же. С. 76.

⁸³ Отечественная война в письмах современников... С. 44.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2392. Л. 76-76об.

⁸⁵ Там же. Л. 79.

⁸⁶ Чтения ОИДР. Кн. 2. С. 75.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4087. Л. 1.

⁸⁸ Там же. Л. 1-1 об.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2880. Л. 5, 6.

⁹⁰ В приложениях к указу приведена форма отчета губернаторов по набору рекрут со следующими рубриками: «откуда рекруты (удельные, государственные, помещичьи), сумма,

затраченная на суконные вещи, сумма, затраченная на прочие вещи, сумма, затраченная на провоз и содержание, суммы на жалование и пропитание, итого, объяснение причин превышения или понижения цен противу прошлого набора. Обозначить все уезды, изъясняя причины по окончании ведомости, отчего сдача рекрут по одному уезду дороже, нежели по другому» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2880. Л. 4). Например, в Тамбовской губернии «главная часть пожертвований шла на обмундирование полков - на снаряжение 1-го пехотного полка было затрачено до 210 527 руб. 69 коп., а на волов для армии (3 тыс. голов) ушло 320 647 руб. 61 % коп.» (Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. С. 153).

⁹¹Различие между понятиями «пожертвование» и «благотворительность». Пожертвование - это «приношение имущества на пользу общую», т. е. это дарение, но одаривается не физическое, а юридическое лицо, чаще всего государственные структуры (Энциклопедический словарь / Изд. Ф. Брокгауз и И. Эфрон. СПб., 1898. Т. XXIV (47). С. 167). Под благотворительностью же подразумевают «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь к неимущему» (Там же. СПб., 1894. Т. IV (7). С. 55).

⁹²Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. С. 146.

⁹³РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4049. Л. 100.

⁹⁴ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 411, 421, 435, 449, 468, 479, 488, 497, 506.